

АЛЕКСЕЙ КУДЕСИН

АРКА 2

ШКОЛА

БОГАТЫРЬ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ПОЛУНОЧНИ

12+

Алексей Кудесин

**Возвращение полуночи.
Арка 2. Твари в ночи**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кудесин А.

Возвращение полуночи. Арка 2. Твари в ночи / А. Кудесин —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Еще одна бесплатная история о юном отроке, который мечтает сделаться богатырем сильномогучим, чтобы спасти Святогороду Русь. Любимка встречается с новым врагом - одержимником Лютиком. С помощью своей волшебной дуды тот насыляет на юного героя проклятие - темных тварей моргулов. Эти существа неутомимы и вездесущи. Куда бы не отправилась их жертва, они всюду последуют за ней и рано или поздно совершат свой чудовищный пир. Что станет делать с этим наш герой, если ему к тому же надо спасти похищенного Лютиком друга и пройти богатырские испытания на таинственном и страшном полигоне Бабы Яги.

Содержание

Сказ 1 – Танцующая деревня	5
Сказ 2 – Лютый Лютик	11
Сказ 3 – Явление моргулов	15
Сказ 4 – Возвращение Стояна	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сказ 1 – Танцующая деревня

– А куда делись эти? – Сойка поглядела на крышу крайней избы – воронёный богатырь и урядник пропали.

– Странно это все, – проговорил Наум. – Они вели себя так, будто желали Любиму...

Он запнулся.

– Смерти, – закончила за него Сойка.

Наум поглядел на неё расширившимися глазами и кивнул. Она хотела ещё что-то добавить, но за их спинами грохнуло, все обернулись. К огромной туше бера метнулся мальчуган. Увидав Любимку, он расплылся в широкой улыбке и едва не упал. Рядом прыгал маленький мохнатый комок.

– Прутик! Тишка! – обрадовался Любимка. – Ёшки-матрёшки! Отколь вы такие?!

Воздух рвался из горла мальчика с сипами, парень держался за бок и никак не мог отдышаться.

– Уф! Успел!.. Все... Хорошо! – отдуваясь, пропыхтел он.

– Конечно хорошо, – рассмеялся Любимка, – мы победили бера.

Сойка переглянулась с Наумом и Настенькой. Любим уже забыл, что справился один.

– А ты откуда тут? – спросил отрок.

Прутик почти отдышался.

– Я... – начал он и запнулся. Как такое рассказать? Поле, которое никто не видит, сияние посреди пасмурного дня и великан. Лучше промолчать – сочтут ещё за юродивого. – Тревожно было, беспокойно, недобро...

Он смутился.

– Зря беспокоился, Прутик! Мы справились! Справились! – Любимка счастливо расхохотался. Прутик выдохнул. К чему тогда была печаль в глазах великана? Может и правда привиделось?

– Нам пора, – сказала Сойка. – Тут мы управились. Лучше вернуться в лагерь до возвращения наставника. К тому же... – Синеволосая девица обвела взглядом развалившиеся избы и снесённые ворота. Туша медведя все ещё лежала посреди площади. – Как бы нас не попросили убирать за собой. Пусть Прут расскажет деревенским о наших подвигах.

– Да! – вскричал Любимка и вскинул кулак. – Вперёд! В Запредельный лес!

– Спорим, он видит там очередного чудовищного бера? – шепнула Сойка Науму и скорчила страшную рожу. – Ар-р!

Наум побледнел, а Настенька хихикнула. Синеволосая хлопнула толстоватого паренька:

– Умник, не боись ты так. Ты же мужик. Должен быть суровым и неприступным.

Травница прикрыла рот ладошкой. Наум поглядел на неё, потом на Сойку, у которой улыбка касалась ушей. Даже Любимка уже меньше косил на лес и больше присматривался к нему.

– Чего вы смеётесь? – удивлённо спросил он, глядя на девчонок. – Наум – не трус. Он теперь суровый побиватель медведей. Невозмутимый лесной воин. Вернёмся – я так Остапу и скажу.

Девчонки покатались от хохота. Наум вспыхнул и вдруг закричал:

– Если я должен быть, как настоящий мужик, тогда вы будьте, как настоящие девчонки – кокошники нацепите и сидите на крыльце, женихов ждите.

Сойка поперхнулась, щеки её покраснели, а Настенька перестала улыбаться. Наум разошёлся не на шутку и не мог уже остановиться. Парень подпёр щеку пальчиком, изобразил дурацкую улыбку и проговорил тоненьким голоском:

– Я милая пташечка – Сочечка, жду своего жениха – настоящего мужика.

Выкрикнул и отскочил – показалось, что синеволосяя сейчас врежет, да так, что уши отпадут и покатятся.

Любимка захохотал. «Своего жениха... ха-ха... настоящего мужика...» Наська ткнула плечом Науму в бок, отчего тот едва не упал. Сойка поглядела на умника, потом на остальных и тоже как захохочет.

– Тук-тук! – Любимка изобразил, как открывает ставни. – Девицы-красавицы, вы мужика настоящего ждёте? Есть у меня таков.

– Ступай прочь, холоп, – воскликнула Сойка. – Ишь, к нам девицам в кокошниках ластится. Мы только бла-агородных ждём.

Любимка замер на месте.

– Ага! Во-от с такими носами, – Наум показал пальцами шнобель, Любимка тут же вспомнил выдающийся нос Ярополка – рухнул на землю и задрогал ногами.

Тягатели хохотали и дурачились, а Прутик глядел на них и хмурился. Что за ребячье поведение? Герои, так смело сражавшиеся с чудовищем, вдруг оказались один в один похожи на простых парней и девчонок из города Муром, куда большак как-то брал его на ярмарку. Прутику они тогда очень не по нраву пришлись. Бесшабашные дураки какие-то.

Правда, эти дураки только что побили здорового бера. А один из них обещал сделать его богатырём. «Может, так и надо? – подумалось пареньку. – Так враг не догадается с кем связался».

Все ещё улыбаясь, Любимка показал большой палец:

– Ёшки-матрёшки! Тыщу лет так не смеялся. Утешили, ребята. Вперёд, в Запредельный лес! Покажем всем, чего мы стоим!

Прутик приуныл. Так хотел расспросить героев об их делах: кто и где жил, как попал в тягатели...

– Ка-ар!

Наум вздрогнул от неожиданности, оглянулся испуганно – не видит ли кто. На ближайшем покосившемся плетне сидел ворон. Толстоватый тягатель рассмеялся: «У, ирод. Напужал!» Тут же подумалось, что ещё утром покраснел бы и начал оправдываться: «Я, де, не трушу. Просто неожиданно вышло!» Сейчас просто хохотнул вместе с остальными, словно шутке, и тут же забыл. Он поглядел на непривычно приветливую Сойку, совершенно непохожую на себя оживлённую Настеньку и Любима...

Один Любим с самого начала оставался собой, а они либо прятались от мира в скорлупки, либо корчили из себя невесть что. Это Любим сделал их самими собой. Только благодаря ему мы...

– Кар! Кар-р!

Ворон не унимался. Он сидел на краю покосившейся стены и, казалось, внимательно разглядывал их. Сойка побледнела и отступила назад, мотая головой.

– Нет. Только не это! – словно увидела давно забытый ужас, который чаяла навсегда оставить в прошлом.

– Тс-с-с! Слышите? – поднял руку Наум.

Настенька кивнула.

– Что? – Любимка тоже перешёл на шёпот.

– Вот, – толстоватый тягатель вскинул палец. – Слышишь? Играет кто-то...

Любимка прислушался. Шумит листва, поскрипывает дерево на ветру. Где-то капает вода, скорей всего, их битва с бером обернула бадью, вот и течёт. И... что-то ещё. Далеко-далеко, на грани слуха...

– Будто дудочка играет, – сказала Настя и улыбнулась. – Тихо так, печально...

Теперь отрок и сам слышал. Далёкий тоскливый звук пронзил сердце, нахлынула небывалая грусть. Вдохнул порывисто, в носу захлюпало, в глазах зашипало – Любимка резко потёр

их, не хватало ещё при девчонках расплакаться. Их глаза, кстати, тоже подозрительно блестели. Так и есть. Вон, у Насыки в уголках набухают большие прозрачные капли. Сойка мотала головой, словно не веря своим ушам.

– Пожалуйста. Только не снова.

– Может быть, пастушок? – предположила Настенька. – Наверное, его даже не предупредили, что в деревне опасность.

– Не, Госька так не умеет играть, – отозвался Прутик. – Он у нас простой.

А потом все разом изменилось. От печали не осталось и следа. Мелодия стала другой.

– Что это?! Гляди! – вскричал Наум. – Туча?

Любим всмотрелся в небо, пытаясь понять...

– Это... птицы?.. – выдохнул Прутик.

Любимка охнул – мальчик прав. Огромная стая птиц кружила, образуя воронку. Темные точки так и мельтешили на фоне чуть более светлого неба. Звезды исчезали одна за другой, словно их слизывал чей-то жадный язык.

– Кар! Кар-р! – напомнил о себе ворон и неспешно взлетел.

– Очень необычное поведение для птах, – сказал Наум. – Правда, Настя?

Мельтешащая стая отражалась в широко распахнутых глазах девушки. Теперь ребята слышали хлопанье крыльев и свист ветра в перьях. Любимка недоуменно крутил головой, не понимая, что не так в этой странной картине.

– Почему они молчат? – проговорила Настенька. – Такая большая стая просто не может молчать.

И тут сквозь хлопанье крыльев и вой ветра вновь пробился звук мелодии. Теперь она была гораздо ближе и громче, словно музыкант приближался к деревне.

Тягатели переглянулись. Несмотря на весёлую мелодию, музыка и тёмная стая птиц внушали тревогу.

– Не к добру это, – сказал Наум, придвигаясь к травнице. – Настя, у тебя какие травы остались?

Девушка молча указала на обрывки мешка. Толстоватый тягатель вздохнул и поглядел на синеволосяную девицу.

– Сойка? Что с тобой?

Внучка разбойника и правда вела себя странно. Всегда бесшабашная и смелая, сейчас она стояла, сжав голову руками и что-то бормоча.

– Нет... Не это... – только и смог разобрать толстоватый тягатель.

Наум беспомощно оглянулся, но внимание остальных было приковано к небу.

Стая достигла крайних домов. Птицы рассыпались, словно вокруг домов была невидимая преграда. Под молчаливое хлопанье множества крыльев туча птиц завертелась вокруг деревни, ускоряя движение.

– Что это?! Глядите?!

Прутик показывал дрожащим пальцем куда-то вдаль. Любимка поглядел и ахнул: деревенское стадо, о котором все позабыли, возвращалось домой. Только вот – диво дивное! – с ним явно что-то неладно. Белые, черные, пёстрые, пятнистые коровы, которые так любили разноробой и шатание, шли теперь ровными рядами, словно воины на параде. Головы у всех одинаково опущены, даже копыта шагают в такт.

Топ-топ-топ!

И над всем этим несётся одинокая мелодия дудочки. Она уже не была печальной, в ней слышалась небывалая мощь и сила. Она завораживала, заставляла кровь быстрее струиться по жилам. Сердце сбивалось и пыталось подстроиться под ритм коровьего шага.

Топ-топ-топ!

Любимка поймал себя на том, что его ноги подрагивают.

Топ-топ-топ.

Коровы стройными рядами втягивались в деревню через пролом в стене и отходили в сторону. Там они останавливались, но продолжали маршировать на месте. Все это выглядело бы комично, если бы не было страшным.

В конце стада шагал ошалелый пастушок с вытаращенными глазами. Сам он не маршировал, но пребывал в глубочайшем шоке.

А потом в деревню стали входит её жители. Такими же ровными рядами, с побледневшими от ужаса лицами. Они тоже – топ-топ-топ – маршировали, ничем не отличаясь от коров.

Это были мужики и гридни, которые остались делать засеки против бера. Прутик отметил, что женщин и ребят, с которыми шёл он, здесь не было.

Последним в деревню вошёл покрасневший, отдувающийся большак и юноша с дудочкой. Сойка ахнула и подалась назад, скрываясь в одной из разорённых изб.

В тёмном плаще, который сливался с окружающей обстановкой, казалось, что голова и кисти парня плывут над землёй сами собой. Очень красивое одухотворённое лицо дудочника лучилось лихостью и бесшабашным весельем. Большие синие глаза глядели на мир с детской непосредственностью. На голове лихо сидела шляпа с изогнутой, словно капелька, тульёй. В руках паренька была дудочка, пальцы так и мелькали по тёмным дырочкам. Мелодия лилась непрерывная и звонкая, словно горный ручей.

Ноги незнакомца притопывали в такт музыки. Он пробрался между рядами своего коровьего воинства и встал прямо перед мужиками и тягателями. Мелодия неуловимо изменилась, больше в ней не было грохота шагов, зато появилось что-то успокаивающее и давно забытое. Любимка моргнул, на миг показалось, что хочет спать. Провёл рукой по лицу и словно убрал упавшую на глаза паутинку.

Мужики и гридни, не таясь, зевали. Войт и вовсе улёгся на землю и захрапел. Даже красное потное лицо большака разгладилось, обрюзгшие веки медленно закрывались.

Паренёк хитро подмигнул и оборвал мелодию. Большак вздрогнул и вытаращил по-старчески блеклые глаза.

– А?! Что?! – взгляд его сфокусировался на дудочнике. Борода затряслась от ярости. – Ты кто таков?! Чаво тут устроил?!

Любимка про себя удивился, как это дед забыл, что пару мгновений назад был в полной власти этого типа. А теперь возомнил, что может его наказать, как нашкодившего мальчишку.

– Кремень, Корчага, Куница – ну-ка поучите этого уму разуму, – повелительно рявкнул дед.

Три мужика двинулись к парню с дудкой. Вели себя так, словно не было ни одержимого бера, ни волшебной музыки – они спокойно сидели у себя в деревне, а к ним забрёл дурной парняга и принялся безобразить. Любимка вспомнил страшную силу Вия и остановившиеся лица жителей Москвы. Неужели музыка дударя действует подобным образом?

Любимка поглядел на друзей: Наум стоял, тараша глаза, Настенька комкала свой опустевший мешок. А где Сойка? Синеволосой девицы нигде не видно.

За пределами деревни продолжали беззвучно мелькать сотни крыльев. Птицы кружили вдоль стены, не пересекая невидимую черту и не отлетая далеко. Большак с сыновьями будто не замечали их вовсе. Мужики подошли к дударю вплотную.

– Что? – тот приподнял брови. Любимка вздрогнул – теперь в улыбке дударя сквозила жестокость, а не веселье. – Всякий старикашка будет мне указывать, что делать? Накажу!

Он поднял дудочку. К нему тянулись три мужика. Все кряжистые, мускулистые. На их фоне дударь выглядел мальчишкой, но ни капли страха не появилось в его глазах. Даже беспокойства не было. Он хитро улыбнулся, будто придумал какую-то шалость. Дудочка коснулась губ, все вдруг заполнила плясовая – воздушная и лёгкая. Парень прыгал в такт песне, кружился по вытопанному пространству у ворот, словно несомый ветром листик. Несмотря

на это, мелодия лилась ровная и мощная, словно у него в груди стояли непрерывные кузнечные меха, которые качали воздух, ни на мгновение не прерываясь.

Любимка не успел удивиться, как мужики остановились. У одного дёрнулись плечи, потом ноги, второй вдруг гикнул и закружился, копируя движения юноши. Третий пошёл вприрядку, каждый раз крикая. Следом за мужиками в пляс пустились и все окружающие. Любимка недоуменно таращился на жителей деревни – сна не было ни в одном глазу: кто приплясывал, стоя на месте, кто пустился по кругу, лица сияли весельем, глаза горели, зубы сияли в свете полуденного солнца. Даже большак – степенный и суровый, вдруг бросил палку и начал наяривать. Старые кости хрустели, но он не переставал выдавать коленца.

– Любимк, а Любимк.

Отрок вздрогнул. Вокруг, словно пава, плыла Настя. Она неотрывно глядела на него, плечи ходили туда-сюда, в одной руке платочек.

– Айда плясать.

Она выдала ножкой каскад быстрых па и снова поплыла. Рядом Наум сосредоточенно выделывал коленца.

Да что с ними такое?!

Любимка поглядел на свои ноги. Они едва заметно подёргивались, но в пляс не пускались. Поднял глаза на странного юношу, который скакал быстрее всех, носился среди жителей деревни, высоко вскидывая колени – там, где он пробегал, танец усиливался.

И вот уже не веселье, а страх появлялся на лицах танцоров. Грудь широко вздымалась, дыхание рвалось с сипами и хрипами, а ноги не прекращали движения. Любимка видел, как один из мужиков попытался остановиться. Даже ухватился обеими руками за ногу, но та продолжала топтать.

Рядом захрипело – большак задыхался. Старое тело не выдерживало бешеного темпа.

– Любим, помоги! – закричал Прутик. – Ты же богатырь...

– Мечи-калачи! Да уймитесь вы! – вскричал тот, но вместо того, чтобы кого-то остановить, сам сорвался в пляс.

Прутик глядел, как Любимка дотанцевал к задыхающемуся большаку и попытался ухватить старика. Получалось плохо. Вместо того чтобы остановиться, оба вдруг ухватили друг дружку за руки и закружились, высоко вздымая ноги. Лицо большака потемнело: ещё чуть-чуть – и старика хватит удар. А дудочник кружился все скорее, все ближе. Любимка напряг последние силы, дёрнул задыхающегося старика на себя. Оба едва не упали, земля мелькала под ногами, каблучки поднимали пыль.

Дудочник уже совсем рядом, почти пробежал мимо. Отрок вытянул ногу, едва не порвав себе мышцы. Парень зацепился за кончик сапога и – бах – растянулся в пыли. Мелодию словно ножом обрезало.

Тишина обрушилась на деревню, как ливень. Люди попадали наземь, тяжело дыша и отдуваясь. Большак хрипел, Прутик уложил его и пытался успокоить, а ведь сам никак не мог отдышаться.

– Что происходит?! Откуда взялся этот парень? – воскликнула Варвара.

После падения бера она успокоилась и вновь села на табурет. Каково же было её удивление, когда сразу после ухода Листка началась новая канитель. Да ещё такая странная и непонятная. Девушка посмотрела на отца и поразилась – похоже, для него сегодня день неожиданностей: сперва его напугало поведение деревенского мальчишки Прутика, парень с дудкой, похоже, тоже не был предусмотрен.

– Полуночники, – прошептал Харитон, глядя на блюда. – Я так и думал, что Шустр действует не просто так...

– Разве все они не умерли? – проговорила девушка.

Он нахмурил лоб:

– Нет, как раз Лютик не был найден. Неужели все эти годы...

Варвара вновь ощутила, как у неё подмораживает внутренности. Полуночники. Если – после Мрака и Вия – и есть в мире кто-то, кого Любиму стоит опасаться – это отряд Полуночи: семёрка демонов Мрака, которых он лично призвал из преисподней – его гвардия, самые лучшие и самые злобные силы.

Демон Ярости, что был изгнан из Иваша, тоже состоял в этой семёрке. Всем нам очень повезло, что он не успел обосноваться в молодом богатыре. Сила демонов Полуночи такова, что они едва ли уступают самому Мраку. Даже сильномогучие богатыри рискуют, выходя на поединок с ними.

– Неужели этот парень один из них? – проговорила Варвара, подавшись вперёд. – Нужно вернуть Листка...

– Нет! – резко оборвал её Харитон. – Сперва мы должны понять, что происходит...

– Но это огромный риск!..

– Дай шанс Любиму. Тем более он справляется...

Варвара замолчала и впиалась взглядом в изображение на блюде. Там был торжествующий Любим.

Сказ 2 – Лютый Лютик

Любимка поглядел на растянувшегося паренька, который торопливо ощупывал дудочку, и рассмеялся. Знай наших!

– Да как ты посмел? – парень поднялся с земли. Руки баюкают дудочку, в глазах сверкает безумие. – Матушка назвала меня Лютик, но мои боевые товарищи среди Полуночников зовут меня – Лютый! Ты понимаешь, что это значит?

– Это значит, что ты стесняешься своего имени? – невинно предположил Любимка.

Проблема была знакома – раньше он тоже стыдился, даже пытался обвинить батеньку: вот ещё придумал – Любим. Над ним все потешались, дразнили маменькиным сынком, а узнав, что у него нет маменьки, порой придумывали ему родителей из ручной живности. От этого Любим испытывал двойные страдания. Но потом настоятель рассказал, что имя – это последняя воля его покойной матушки Милены. Имя «Любимка» она произнесла перед смертью в тот роковой день. После этого Любим ни разу не отказался от своего имени, нарочито используя уменьшительную его форму. А теперь он и вовсе лелеял тайную мысль, что вскоре имя Любим загремит по всей Руси. Тайно, потому что недостойно хвастать и мечтать о славе человеческой. В первую очередь богатырь думает о славе небесной.

Лютик взъярился. Лицо исказила злоба.

– Насмехаешься?! Ты пожалеешь...

Он поднёс дудочку к губам.

– Сердечная смерть!

Люди ахнули и резко расступились. Кто-то зажал уши, кто-то и вовсе кинулся в бега. Большак по-прежнему не мог сказать ни слова, над ним суетилась Настенька. Прутик глядел на неё с надеждой.

Любимка ничего не успел сделать, дудочник выдал новую мелодию. На сей раз она была гремющей и злобной. Люди вокруг сжались и присели, ожидая нового танца, но танца не было. Они с облегчением выпрямлялись и с тревогой крутили головами.

На этот раз мелодия была направленная. Любимка будто видел её непрерывный поток, рождающийся у губ Лютика и несущийся прямо к нему. И поток этот не заставлял плясать. Он вибрировал. З-зум-з-зум-з-зум! Охнули и осели в траву люди за спиной Любима. Сам он ощутил, как внутренности сжимаются и разжимаются в такт этой странной музыки. Сердце сбилось с ритма и подстроилось под неумолимое з-зум-з-зум-з-зум...

Любимка дёрнулся, ухватился рукой за грудь. Ноги отказывались слушаться. Ритм постепенно убыстрялся, усиливался. Любим уже слышал стук крови в ушах, потом внутри что-то лопнуло, из носа потекло горячее – тронул рукой и увидел кровь на пальцах.

З-зум-з-зум-з-зум!

Как дудочка может издавать такие чудовищные звуки?

Он застыл и ничего не мог сделать. Взгляд Лютика сделался торжествующим.

Скорость мелодии резко увеличилась, Любимка понял, что сердце больше не может так быстро стучать. Ещё чуть-чуть – и оно порвётся.

Попытался сделать шаг к Лютику. Тело почти не слушалось, все силы уходили на то, чтобы сдерживать разрывающуюся грудь. По всему телу разом выступил пот, в глазах полопались сосудики, кровь заполнила рот, капала с подбородка. Сразу трудно стало дышать.

– Смерть! – прозвучало в ушах.

Любимка вскинул глаза, лицо Лютика было неподвижно, но сквозь него проступали черты чего-то другого... Любим отпрянул, словно получил меж глаз. Он разглядел ужасный звериный лик – именно эта зубастая пасть произнесла: «Смерть! Смерть жалкому человеку!»

– Одержимник! – прошептал Любимка.

Он помнил точно такую же страшную пасть, дёргающую за ниточки в бывшем богатыре Иваше. Это означало лишь одно – конец. С одержимниками могут совладать лишь опытные богатыри, а их рядом нет. Костяй пропал, Стоян не вернулся, а Болта увёл с собой Фрол.

– Значит, справимся сами, – упрямо сжал кулаки Любимка. – Тёмная волна, земная тяга! Спасайте!

А сердце задышалось. Лютик и демон ликовали. Любимка увидал испуганное бледное лицо Сойки, черты искажены страхом. Она стояла и ничего не делала в тёмном проёме двери одного из домов.

Он упал на колени, скорчился и затих. Бешеная мелодия медленно схлынула и прекратилась. Лютик отнял дудочку от губ. Тонкие губы изогнула улыбка.

– То-то же. Вы все видели? Ещё кто-то собирается меня удержать?

Над деревней повисла мёртвая тишина. Люди пятились и прятались друг за друга.

– Нет?! – вскочила Варвара. – Он же... Он...

У неё уже не хватало сил это пережить. Второй раз подряд Любимка был на краю гибели... Был? А может, он уже?.. уже...

Но больше всего её напугало другое.

– Не может быть! – Харитон отпрянул от блюдец. – Тёмная волна не может сдать! Земная тяга тоже должна его защитить!

Но скрутившаяся в комок фигурка не шевелилась. Библиотекарь схватился за голову.

– Неужели просчитался?! Неужели...

Он вдруг замер.

– Стоп! Тёмная волна! Что будет с ней?!..

«А ну вставай! Ты не можешь так просто умереть!» – раздался звонкий голос. Отец и дочь одинаково вздрогнули и поглядели на блюдца...

Прутик словно очнулся. Он кинулся к неподвижному телу и закричал:

– А ну вставай! Ты не можешь так просто умереть! – Любим не отозвался. – Ведь ты мечтал стать богатырём! Как же ты им станешь, коли умрёшь?!

Мальчик толкал и теребил отрока, но тело плотно стянулось в комок и не желало расправляться. Люди жалостливо блестели глазами и отворачивали лица.

– Парень, перестань. Он уже мёртв, – сказал оправившийся большак.

– Нет! – яростно обернулся к нему Прутик. Тишка жалобно взвыл. – Вы не понимаете! Он не может умереть! Он – богатырь!

Лютик презрительно кривил губы.

– Богатырь... Деревенщина не может стать богатырём.

– Вставай же! Любим! Вставай! Ведь ты обещал!

Люди вокруг отрока отводили глаза. Лицо Настеньки исказилось: ещё чуть-чуть – и заревёт навзрыд. Наум крепился, но и у него щеки блестят от слез.

– Вставай, богатырь! – закричал Прутик. – Нам нужна твоя помощь!

Тело Любимки дрогнуло и начало расправляться. Раздался возглас радости, а потом испуганные крики. Любимка выпрямился. Лицо его было бледно, под носом темнели две дорожки подсыхающей крови, глаза красные. Но не это испугало людей: в глазах поверх радужки и зрачка плавали две черные кляксы. Словно капля чернил, оброненная в прозрачную воду.

Глаза Лютика расширились.

– Какая знакомая сила!

Любимка недоуменно глядел на свои руки, потом вдохнул. Грудь послушно пошла в стороны, сердце бухало в груди – ровно и надёжно, словно и не было ужасной убыстряющейся мелодии. Тёмная волна проснулась. Она посчитала, что опасность грозит жителям деревни? Или она наконец-то защищает его?

– Оставь их в покое, – сказал Любимка, поднимая на одержимника затемнённый кляксами взор.

Лютик не ответил. Он огляделся по сторонам, потом улыбнулся ещё хитрее.

– Как пожелаешь. Мне все равно уже пора. Эти люди мне без надобности, я возьму лишь одного.

Не спуская глаз с Прутика, он поднёс дудочку к губам.

– Звуковая ловушка, – и заиграл плясовую.

Мелодия журчала и переливалась. Люди испуганно сжались, но на сей раз пляс коснулся лишь одного человека – Прутик запрыгал на месте, а потом бодро двинул к воротам. Пёс взвыл, Любимка ошалело глядел вслед.

– Ёшки-матрёшки! Чево это?!

Прутик пытался укротить свои конечности, приседал, падал, хватался за рядом стоящих, но ничего не помогало. Непослушное тело тащило его следом за ускользающим Лютиком.

– Помогите! – крикнул он.

Наум и Настенька стояли, как пригвождённые, Сойка скрылась в избе и прислонилась спиной к стене. Сердце убыстренно тукало в груди, ноги превратились в кисель. Настенька не утерпела – кинулась следом. Едва попала в зону действия музыки, ноги её закружили, коса взлетела вдоль земли. Девушка запрыгала по дуге от Прутика и выпала из танцевального пузыря, с размаху села на землю, вскочила, кинулась вперёд и снова затанцевала.

– Да что же это такое! – стукнула она кулачком по земле. – Люди! Что вы смотрите! Сделайте что-нибудь!

Один из сыновей большака – Куница – сдёрнул с плеча лук и одним мощным движением натянул тетиву. Вжих! – калёная стрела бьёт в цель.

Лютик дёрнул бровью, мелодия на мгновение изменила звучание. Бяк! Стрела пробила тушку утки, вынырнувшую из стаи все ещё кружащих за стеной птиц, и шлёпнулась на землю. Лютик прибавил шаг, между ним и охотником хаотично заметались птицы. Следом, словно привязанный, отплясывал Прутик.

– Любим. Помоги мне.

В распахнутых глазах плескался ужас.

«Вот бы мне посмотреть огромный мир! Там, наверное, жутко интересно!»

«Правда! И жутко, и интересно!»

Любим вспомнил их разговор.

– Прут! Я не брошу тебя! Не быть мне богатырём!

– А-ха-ха! – крикнул Лютик, на мгновение отняв трубочку. – Не быть! Не быть!

И заиграл снова. Любимка рванул вперёд, но попал под заградительную мелодию. Его тут же повело в сторону и вмазало в забор. Бах! Из глаз посыпались звезды. А Прутик тем временем отплясывал все дальше. Любимка оскалился от безысходной ярости.

Впереди одинокое дерево. Прутик поднатужился и, не прекращая отплясывать, смегнулся в сторону. Есть! Он вытянул руки и намертво вцепился в ствол. Ноги дёргали его следом за музыкой, но руки не отпускали.

– Врёшь! Не возьмёшь! – закричал он, глядя, как Любимка борется с плясовой, не дающей ему приблизиться. – Любим, я держусь! Я справлюсь!

Вокруг со звонким лаем прыгал Тишка. Лютик обернулся, приподнял одну бровь. Мелодия изменилась, в плясовую вернулся ритм, под который маршировали коровы.

– Му-у-у-у!

Прутик обернулся и увидел, как большой бык, наклонив рога, скачет прямо на него.

Бум! Удар сотряс ствол, сверху полетели листики и кусочки коры. За миг до этого мальчик отпустил руки. Иначе раздробило бы ударом. Он упал, тут же вскочил и затанцевал за Лютиком.

Любимка, наконец, обуздал бунтующие ноги.

– Прутик, я не брошу тебя!

Он рванул следом. Стена леса поглотила их, одного за другим. Наум кинулся было следом, но остановился и опустил руки. Сзади Настенька никак не могла управиться с непослушными ногами.

– Ушёл. Он ушёл.

Сойка рыдала, вжавшись в угол избы. Тишка, поскуливая и приседая на все четыре лапы, залез в подпол покосившегося дома. Стая птиц распалась и разлетелась в разные стороны.

– Ну же! Давай! – блюда прыгали перед Харитоном, но на них было что угодно, только не Любим.

– Варвара, мне нужно срочно опуститься к Головоломке. Попытайся отыскать их...

Он обмяк и сполз на пол. Варвара тут же забыла о нем, вскочила, и блюда услужливо столпились перед ней, со звоном толкаясь краями.

– Не то... Не то... Все не то... Похоже, птицы отца разлетелись вместе с остатками стаи.

– Что же делать? Как помочь Любиму?!

Впервые у неё не было ни одной дельной мысли. Варвара чувствовала себя беспомощной, как никогда.

Сказ 3 – Явление моргулов

Прутик двигался, подчиняясь мелодии. Ноги не только несли его по лесу, но и выделяли кренделя, отчего глаза заливало потом. К тому же ноги начисто забыли о существовании остального тела. Мальчика несколько раз так приложило о стволы сосен, что искры летели из глаз, а мохнатые ветви исцарапали лицо. Впереди без устали скакала ненавистная фигурка.

Сзади раздавался хруст и топот, словно ломилось целое стадо лосей. Когда звук догнал их, Прутик понял, что это один-единственный человек.

– Любим! Ты не бросил меня!

– Конечно, – пропыхтел тот. – Мечи-калачи! Отстань от нас со своим колдовством.

Музыка прервалась. Лютик расхохотался.

– Это не колдовство – это искусство. И оно принесло мне сразу двух претендентов в отряд Полуночи.

Любимка не успел даже облегченно выдохнуть, как мелодия возобновилось. Ноги вновь повлекли Прутика в лес. Любимка скакал следом.

Одержимник все дальше уводил их от деревни.

«Что делать?! Коли я не могу их догнать, то и друзья не сумеют нас отыскать. Наум – не герой, на Союку напал странный ступор, а Наська одна ничего не сможет. Жители деревни вряд ли затеют погоню. Гривни тоже не сунутся в Запредельный лес – не их это дело. Дедка большак станет ждать возвращения дядьки Костя».

Паренёк яростно тряхнул головой.

– Мечи-калачи! Мне никто не нужен! Сам справлюсь, ведь я – будущий богатырь!

Лес сделался гуще, танцевать стало тяжелее. Прутик попытался хвататься за стволы, но только ободрал руки.

Любимка лихорадочно соображал, что делать. Он представил, как под ногу Лютика попадает корень, парень падает и – крак-крак – ломает дудочку. Это было бы здорово. Но глупо надеяться на случайность. Как бы поступил на моем месте любой из известных богатырей?! Илья Муромец? Метнул бы свою чудовищную булаву. Или Добрыня? Ударил бы своей знаменитой плетью. Или, может быть, Алёша Попович... Да! Как раз в такой ситуации стоит воспользоваться умениями Алёши – из богатырей он самый хитрый.

«Думай голова, думай. Это твой очередной шанс доказать небесам и себе, что ты достоин. Шанс... Есть! Придумал! Теперь главное не оплошать. Главное – все сделать правильно. Найти нужные слова».

На мгновение остановился и прикрыл глаза. Как живого представил Ярополка. Благородный нос презрительно сморщен, высокомерие уродует лицо.

– Да какое же это искусство, – громко крикнул Любим. В голос добавил как можно больше насмешки, сдобрил его пренебрежением и для пушшего эффекта ещё и фыркнул. – Пастушок душевнее играет. А вот моя подруга Пелагея...

Мелодия оборвалась так резко, что Прутик замер в замысловатом па, замахал руками и рухнул наземь. К счастью все кругом затянуто толстым слоем мягкого мха – почти не ушибся.

– Что-о-о?! – Прокатилось по лесу.

Зашуршало, захрустело – ветки отлетели в сторону, и к Любимке вырвался красный от ярости Лютик. Прутик со стоном вытянулся на земле – только сейчас понял, как устали ноги. По несчастью рухнул прямо в муравейник, по коже шустро застучали лапки насекомых.

– Да как ты смеешь! – закричал Лютик. – Ты ничего не смыслишь в искусстве, дурень!

Первоначальный план был тут же позабыт, Любимка ощутил, что заводится.

– Это я-то не понимаю в искусстве?! Мечи-калачи! Да если хочешь знать, мой друг – Пелагея – скоро станет первым менестрелем на Руси! Так и знай! Люди собирались со всех семи

княжеств, чтобы её послушать! – Он важно приосанился. Ярополк в его голове ухмыльнулся и потёр руки. Любимка с улыбкой добавил: – А тебя с твоей плясовой-холопской не пустили бы на порог приличного общества.

– Плясовой холопской?! – Лютик вздёрнул голову. Было видно, что он не хочет отвечать полному невежде, но уязвлённое самолюбие не позволяет промолчать. Он заговорил, высокомерно сжевивая слова с обиженно оттопыренной губы. – Если хочешь знать, я чувствую аудиторию. Для деревни я играю одно, а для князей будет совсем иное.

– Так прислушайся ко мне и сыграй для меня, – вскричал Любим, глянув на Прутика. Тот не пляшет с тех пор, как умолкла колдовская мелодия. «Беги! – мысленно приказал Любимка. – Пока я его отвлекаю – беги!»

– Мы здесь одни, никто нам не помешает. – Говоря это, подбирался все ближе – надобно обезвредить одержимника, пока тот отвлечён. Глаза дудочника прикрылись, он прислушался к чему-то внутри себя. Отсутствующее выражение ещё не сошло с лица, а глаза раскрылись и сверкнули.

– Ты и правда, не такой, как другие, – сказал он. Любимка приблизился ещё на шаг. Лютик улыбнулся. – Я знаю, что тебе сыграть, Любим.

Он поднёс дудочку к губам и заиграл. Любимка сжался – натерпелся в последнее время от мелодий. Но эта музыка была совсем иного рода: Лютик больше не покушался на тело – он замахнулся на душу. Музыка лилась широкая и мощная. Она захватила и понесла. В ней не было примитивного ритма для животных, не было дурного веселья для простого люда. В ней звучала истинная жизнь. Любимка вздрогнул. В звуках дудочки он услышал звон клинков, грозный клич боевых отрядов, священную ярость битвы. Тут же подключилось воображение, и вот уже он стоит посреди гигантского поля, на котором идёт грандиозное сражение. Обнажённый клинок в руке, прищур глаз, яростно раздувающиеся ноздри. Враг перед тобой.

– А-а-а-а!

Бах! Мощно столкнулись щиты, тут же в дело пошли мечи, выискивая малейшую щёлку в обороне. Над всем этим гордо реяли стяги воюющих сторон.

Дрожала земля от поступи гигантских коней, именитые поединщики съезжались с оглушительным грохотом. Реки обращались вспять, горы делались равнинами, а равнины вздымались горами на месте великих битв. Музыка грохотала и вставала на дыбы, как ретивый конь. Любимка видел древние битвы как наяву. Сердце шибче стучало в груди, пальцы сжимались, ища рукоять доброго меча, грудь вбирала вольный воздух.

Любимка отдался этому чувству, позабыв обо всем – Лютик действительно был гениален и знал, что такое искусство. То, что он исполнял сейчас, было поистине шедевром. И вырваться из этой музыки не было никакой возможности.

Но что это?! Что-то не так?! Отчего побеждают воины в черных доспехах?! Почему они не защищают деревни и города, а жгут их?! Ведь настоящий герой помогает людям, а не нападает на них. Настоящий герой... Не одержимник...

Неожиданно вывалился из магии, сотканной музыкой. Тело все ещё реагировало на лязг металла и пьянящее чувство битвы, но разум уже был здесь.

Он увидел Лютика, закатившего глаза от упоения и выводившего мелодию битвы. Одержимник весь отдался музыке, уверенный, что и слушатель пребывает там же. Длинные тонкие пальцы летают по дырочкам дудочки... Дудочка! Главное оружие лютого Лютика. Не раздумывая больше, Любимка прыгнул вперёд, занося кулак для удара...

– Успокойся, Варвара. Все не так плохо, как мы думаем...

Харитон ожил и приподнялся в кресле. Кожа скрипнула сперва под его руками, потом под задом. Библиотекарь уселся удобнее.

– Я не сумела отыскать видящих глаз, – сказала она виновато, опускаясь на табуретку. Никому ненужные блюдца дрейфовали по всей палате.

– Птицы очень капризны и нестабильны, – сказал Харитон. – Особенно, когда речь идёт о Запредельном лесе. Там мы используем деревья...

– Ты его видишь? – спросила девушка. Харитон устало качнул головой.

– В этом нет надобности. Я примерил в Головоломку новые фрагменты, и она дала очень неожиданные выводы...

– Это хорошо, но что с Любимом? – перебила его девушка. – Он остался один на один с одержимником из отряда Полуночи.

– Как раз поэтому нет повода для беспокойства, – невозмутимо сказал Харитон. Видя удивлённый взгляд дочери, пояснил: – Отряд Полуночи силен своим единством. Когда все семь его членов находятся в нашем мире, они способны передавать демоническую силу друг другу. Именно это делало их настолько опасными, что даже старшие богатыри опасались сражаться с ними раз на раз.

– Ясно. Теперь Лютик один и...

– Да, думаю, что он слабее Вия. Любим вряд ли его остановит, но и Лютику с тягачем не совладать. К тому же, судя по всему, одержимник не знает, что прячется в нашем друге.

– И что же нам теперь делать? Выходит, что Шустр не один. И оба ведут с собой простых людей. Неужели они собираются сделать из них?..

– Носителей. Да. Головоломка показывает, что этот исход весьма вероятен. Я уже отдал приказ следить за окрестностями Мокеевки. Если обнаружится ещё кто-то... – Он вдруг замолчал. Зрачки расширились и опали. – Ксана, – проговорил он в пространство. – Дива Ксана ведёт ещё одного человека. Он из деревни Западная Корша. И, насколько я могу судить, это – брат Кречета.

– Откуда ты узнал? – воскликнула Варвара.

– Полушка видел их, но не придал значения. Теперь он вспомнил и передал мне воспоминание. Когда мы искали выживших полуночников, я досконально изучил всю их родню. Сомнений быть не может – это брат того, в ком пребывал демон Гордыни.

– Он её остановил?

– Нет. Он видел её сутки назад. Сейчас они, должно быть, тоже вошли в Запредельный лес. Их уже трое. Это не считая Лютика.

Варвара дрогнула. Сама она не помнила, но очень хорошо изучила историю последней войны с перводемоном. Отряд Полуночи был страшной силой. Вся Русь лежала в руинах только благодаря им. Один Мрак не успел бы в столько мест сразу.

– Листок на задании, – сказал Харитон. – Мне потребуется твоя помощь. – Варвара подобралась и кивнула. – Пойдёшь к князю с докладом. Я не могу с тобой обмениваться мыслями, как с писарями, поэтому...

Варвара вздрогнула. В голосе отца звучало сожаление, а в глазах появилась задумчивость. «Нет! Ни за что не соглашусь на это!» – мрачно подумала девушка. С некоторых пор это был самый большой страх в её жизни. Это случилось, когда она была ещё маленькой девочкой лет шести. Варенька разбила вазу. Это видел Листок, тогда он ещё не был первым писарем.

– Дядя Листок, не говори моему папе, – попросила девочка.

– Не могу, – улыбнулся писарь. – Твой отец у меня в голове. Что знаю я, знает и он. Поэтому...

Он развёл руками.

– Что значит «у тебя в голове»? – спросила Варя.

– Это значит, что он может увидеть любую мою мысль, способен ощутить любое моё побуждение. Твой отец не всегда со мной, но когда входит в мою голову – сразу же узнает все.

Ей было шесть лет, но она все поняла и содрогнулась от омерзения.

– Как?! Как он заставил тебя?! – вскричала она, с жалостью глядя на парня.

– Он не заставлял, – тихо ответил Листок, перестав улыбаться. – Я сам впустил его. Довольно.

Шли годы, девочка Варвара выросла. Но с тех пор самым страшным ужасом для неё стали эти слова: «Он видит любую мою мысль... Он ощущает любое моё чувство... Твой отец не всегда со мной, но когда входит в мою голову – сразу же узнает все!»

Она примеряла это на себя и содрогалась от ужаса. Мозг, глубины сознания – то место, куда она могла убежать от отца, и где он не мог её достать. Это была её крепость, её последний оплот. И она не собиралась сдавать его так просто!

– ...Поэтому, слушай внимательно, – продолжал Харитон. – Все очень серьёзно. То, что Лютик появился и захватил Прутика, говорит об одном – он действует заодно с Шустром. Так же как Ксана. И они собираются возродить отряд Полуночи. Это уже совсем иной уровень опасности. Мы не можем закрыть на это глаза.

– Но как они это сделают? Ведь книга Полуночи у нас. Шустр не сумел забрать её.

Харитон нахмурился.

– Это самое скверное. Я могу предполагать, куда они стремятся. Но я не понимаю, что это даст. – Его передёрнуло, словно он ощущал физическую боль от своего незнания. – А теперь слушай: надо убедить князя отдать приказ богатырям о перехвате. Об отмене испытаний даже заикаться не станем – это непреодолимые обстоятельства.

– Но как? Ведь остановить испытания – наилучшее решение. Князь такой мудрый... Неужели нельзя с ним договориться?

Харитон тяжело вздохнул.

– Мы просто не сумеем убедить его. Слишком много сил он вложил в объединение Руси и слишком много надежд возлагает на нынешний поток тягателей. Но задержать наблюдателей от княжеств мы можем себе позволить. Это даст Стояну необходимое время.

Варвара слушала его и кивала. Лицо её постепенно бледнело, но одновременно становилось решительным...

Не успел сделать и шага, как вновь увидел страшную морду демона, сидящего в хрупком теле Лютика.

– Р-р-ра!

Дудочник вздрогнул и открыл глаза. Мелодия оборвалась, синие глаза неверяще распахнулись.

– Но как?!..

Любимка видел, что не успевает. Ещё нужно сделать два шага, а в глазах Лютика уже появилась осмысленность. Напряглись руки. Сейчас он спрячет дудочку за спину, и пиши пропало. Любимка перевёл взгляд на Прутика. Тот по-прежнему под чарами, сидит и смотрит в пространство, глаза блестят, как стекляшки.

«Спаси! Я должен его спасти! От этого зависит его жизнь!»

Кап-кап! Перед глазами расплылись тёмные кляксы. Время замедлилось, воздух затвердел. Любимка продирался сквозь него, словно пловец сквозь плотную воду. Зато движения Лютика прекратились, взгляд остекленел. Любимка сделал один шаг, потом второй. Рука рванула вперёд. И вдруг время возобновило бег.

Глаза Лютика распахнулись, но было уже поздно. Бац, хрясь! Дудочка распалась на несколько частей.

– Ха-ха! – воскликнул паренёк и запрыгал по траве. – Так-то! Перехитрил я тебя! Да!

Лицо Лютика исказило страшное выражение. Словно черты демона проступили наружу: глаза грозно сверкали, зубы оскалились в гримасе злобы.

– Зря ты это сделал, – проговорил он сквозь зубы. – Эта дудочка была наигранной. Чтобы наиграть новую – уйдут многие дни. Но не думай, что я силен только дудкой.

Он сунул руку под плащ. Любимка напрягся. Из-под темной ткани показался кулак, сжимающий тёмный камень на золотой цепи. Лютик благоговейно погладил его и посмотрел на Любимку.

– Я буду отомщён, – и улыбнулся.

Мороз пробрал Любимку от этой улыбки. Лютик прокусил палец, появилась капля темной крови. Он приложил ранку к медальону и поглядел на Любимку почти с жалостью. Медальон вспыхнул черным сиянием, тьма окутала ладонь Лютика, тот присел и приложил её к земле.

– Придите, моргулы! У меня есть для вас жертва!

Громыкнуло. Только вот гром гремит в небесах, а этот грохот звучал из-под земли. Одержимник отнял руку, на хвое остался чёрный отпечаток пятерни.

– Прощай, Любим, – Лютик показал Любимке крохотный клочок ткани и улыбнулся. – Твоя рубашка наведёт их на след.

Любим приподнял подол рубашки – оборвана.

– Когда ты успел?!

Одержимник только улыбнулся в ответ и осторожно положил кусочек ткани в центр отпечатка ладони. С тихим шелестом земля стала проваливаться вниз. Лоскуток первым скользнул в открывшееся отверстие. Лютик расхохотался.

– Вот и все. Из проклятых моргулами ещё ни один человек не сумел выжить. Жуткие мучения тебе обеспечены.

Он ухватил Прутика и запахнул плащ, тот запестрел и слился с полутьмой леса. Метнулась тень, и шаги затихли. Любимка кинулся следом, но из дыры посыпали искры. Пришлось отскочить назад.

Про моргулов слышал из былин о богатырях, только вот ничего вразумительного там не было. Темные твари – да, бестелесные – точно. Но почему все так страшатся бестелесных, пускай и темных тварей – совершенно не ясно. Чем они могут навредить человеку? Может быть, Лютик просто пугает? Откуда бы он взял такую силу? Моргулы кому попало не подчиняются. Призвать их мог лишь первый воитель тёмного воинства Мрак.

Надо спешить, с каждым мгновением Лютик уводит Прутика все дальше. Но и эту дыру так просто оставить нельзя – она совсем рядом от деревни. Если моргулы опасны...

Искры пропали. Любим подкрался ближе и заглянул: на месте чёрной пятерни отвесно вниз уходило отверстие с гладкими стенками. Как будто сквозь землю продавили нечто настолько твёрдое, что стенки уплотнились и почти не осыпались. Глубоко внизу что-то виднелось. Любимка плюхнулся на живот, силясь разглядеть. Из дыры пахло жаром, отрок отпрянул, но любопытство не отпускало, и он заглянул вновь. Снизу на Любимку глянула тьма. Самая плотная, непроницаемая тьма, какую он только мог вообразить. Вновь отпрянул. «Чур меня, чур! Что за странная дыра? Мрак не может быть настолько плотным. Тьма не должна глядеть!»

Снизу донёсся звук, от которого мороз пробежал по спине.

– Снуф! Снуф! Сну-у-уф! – как будто чей-то большой и мокрый нос втягивает воздух.

Сразу же вспомнился лоскут рубахи и торжествующее лицо Лютика. «Вот и все! После встречи с моргулами ещё никто не выживал». Неужели колдовство действует, и там внизу прямо сейчас кто-то принюхивается к его запаху?

Любимка отодвинулся от дыры. Что делать? Надо предупредить деревню и спасти Прутика. Хоть бы кто из тягателей сюда пришёл...

Точно! Надо просить помощи друзей. Наума можно послать в деревню с предупреждением, Наська поможет выследить одержимника.

Любимка расхохотался от облегчения: «Проще простого. В том, что я не могу сам – помогут друзья».

Он поднялся и замер. В лесу что-то не так. Не сразу понял, в чем странность. Тишина. Непонятная полная тишина, какой просто не может быть в лесу. Замолкли птахи, не прыгали в вышине белки, не стучал дятел, не куковала кукушка. Даже деревья застыли в полной неподвижности: ни один листик не шелохнётся, ни одна крона не скрипнет. Лес, будто смертельно напуганный зверёк, затаился всем своим многоликим нутром.

Бух! Любимка подпрыгнул. Ногами ощутил толчок из-под земли. Бух-бух! Ещё два! Что происходит?!

Сила толчков увеличивалась, их частота нарастала. Вскоре они превратились в одно общее дрожание земли. Оно впитывалось ногами даже через толстую подошву сапог и распространялось по всему телу. Живот скрутило, по жилам потёк страх.

Любимка медленно повернулся. В том месте, где Лютик оставил дыру, толчками поднимался земляной холм. Когда на поверхность выбирается крот, остаётся именно такой холмик. Только вот каким должен быть этот крот, чтобы выбросить столько земли? Горка свежeverытой земли поднялась уже до пояса взрослого человека и продолжала увеличиваться. Любимка расслышал хруст, словно там внизу стремительно прорастал, раздвигая землю, огромный крепкий корень.

Отступить! Нужно скорее бежать в деревню и предупредить людей. Тело уже почти выполнило команду, когда в голову пришла новая мысль. И что я им скажу? Холм земли? Из-под земли выбирается кто-то большой?

Нет! Нужно разведать опасность до конца. Кто выбирается, сколько их, какую опасность представляют. У страха глаза велики, может быть, это совершенно безобидное существо, которому до деревни и дела нет.

А груда земли все разрасталась. Камушки с тихим шелестом раскатывались в разные стороны. Любимка заворожённо глядел на это зрелище, не в силах ни бежать, ни унять бешено рвущееся сердце.

А потом поверхность кучи взорвалась. Во все стороны полетели комки грязи и земли. Рядом с Любимом шлёпнулся дымящийся ком. От удара он раскололся, и отрок увидел, что земля спеклась, как от сильного жара. Он со страхом поглядел на образовавшуюся воронку. Несколько шагов в окружности. Что же лезет из-под земли на свет Божий?!

Краем глаза уловил движение в тени кустов. Быстро повернулся – все тихо. Стремительная тень с другой стороны. Посмотрел туда – никого. Что это такое?! Видения? Призраки?

Призрачные твари – так про них говорится в былинах. Темные бестелесные существа, которые могут являться лишь ночью.

Волевым усилием расслабил напрягшиеся мускулы. Стараясь не шуметь и не делать резких движений, отступил к ближайшей сосне и спиной прислонился к шершавому стволу – теперь сзади к нему не подобраться, и видно пространство вокруг земляной воронки. Волосы на голове шевелились, на висках выступили капельки пота, сердце каждый раз проваливалось в тёмные яму – чудилось, будто в глубинах леса таилось что-то смертельно опасное.

Топ-топ-топ. Горохом рассыпался дробный топоток. Зародился далеко-далеко, на грани слуха, начал нарастать, пронёсся вокруг поляны. В темноте мелькнуло что-то стремительное и тут же пропало. Едва успел туда взглядеться, как подобное движение повторилось чуть левее. И снова тихо. Топот с другой стороны. Сердце жалобно дёрнулось, разум захлестнул ужас. Пришлось ухватиться обеими руками за ствол, чтобы не поддаться панике и не пуститься в безумное бегство.

– Я должен понять, с чем имею дело. Богатырь я или тварь дрожащая?!

Он вжался в ствол, чуть присел, готовый мгновенно рвануть в любую сторону. Глаза распахнул так, что ещё чуть-чуть – и вывалятся из глазниц.

Наконец, он увидел их: два стремительных силуэта, больше похожие на ящериц. Они шустро перебирали лапами и кружили вокруг земляной воронки. Когда «ящерки» попадали в тень, они становились плотнее и резче, движения их ускорялись. Но едва им доводилось выпасть на светлый участок, силуэты истончались почти до полной невидимости, движение замедлялось, и их почти нельзя было разглядеть.

Любимка не успел толком оценить своё открытие, как из-за ствола рядом с плечом высунулся острый крысиный нос, ухо вспорол громкий звук:

– Снуф, снуф, сну-у-у-уф! – тёмная тварь принюхивалась.

Свист прекратился, нос исчез столь резко, что Любимка вздрогнул. Скорее, разумом, чем слухом, ощутил ликующий писк.

– Жертва! Здесь! Рядом! – Раздался удаляющийся топот, он окружил поляну и замер на другой её стороне.

В темноте леса соткалась из мрака острая морда, очень похожая на крысиную. Вот только размером эта крыса была с годовалого телёнка. Морда радостно оскалилась, и Любимка с дрожью увидел большие острые зубы, такие же черные, как все остальное. А потом тварь сжалась и прыгнула.

– А-а-а-а!

Любимка зашёлся в истошном крике. Нахлынул такой ужас, что он просто не мог сопротивляться. Лишь вскинул руки в жалкой попытке отгородиться от надвигающегося чудовища.

Едва тёмный силуэт попал на свет, он растворился, превратившись в едва заметную тень. Фу-у-ух! Оскаленная морда мелькнула и пропала. Любимку обдало лёгким тёплым ветерком. Уф! Паренёк отмер, пошевелил руками, потом ногами. Так и поседеть недолго. Будет среди тягателей старичок четырнадцати лет, то-то Ярополк повеселится.

Полумрак леса озарила белозубая улыбка. Ха! Лютик просчитался, вытаскивая с пыльных полок истории этих «ужасных» монстров. То ли время их испортило, то ли неумение вызывальщика, но моргулы оказались совершенно безобидными бесплотными тварями.

«Вот и славно. Вернусь, расскажу обо всем ребятам. То-то посмеются. Хотя некогда смеяться. Теперь нужно думать о спасении Прутика».

С этими мыслями Любимка развернулся и исчез в лесу.

Сказ 4 – Возвращение Стояна

Стоян стремительно скользил по Запредельному лесу. Мимо мелькали толстенные поросшие мхом стволы. Буреломы перескакивал сверху, стволы огибал, сквозь переплетение сучьев ввинчивался, как стрела с винтовым наконечником – в чаще он передвигался быстрее, чем гридень налегке по ровной удобной дороге.

По обе стороны от него, охватывая широкое пространство, бежали четыре разведывательных любимца. Богатырь направил их следовать параллельными курсами. Лес непривычно притих, словно чего-то ждал.

Не может здесь быть ничего опасного. Вот просто не может. Они долго сидели и продумывали безопасность испытания тягателей. Наставники, калики, писари Харитона. Богатыри, дивы, охотники, следопыты.

Первым в Запредельные леса отправился Микола Стародуб. Потом один за другим никак не меньше десятка богатырей и писарей Харитона. В настоящее время прямая дорога между Мокеевкой и полигоном безопаснее, чем крупные московские тракты. Если там есть крохотная вероятность наткнуться на разбойников, то здесь такое просто невозможно.

Конечно, Костяй ушёл в другом направлении. Неведомые люди знали об испытании, потому направились в сторону необжитых земель, которые зовутся Чащей Хруста. Эти места по-настоящему опасны – это ещё не Тайга, но уже нечто схожее. Даже богатырю там придётся туго. Но до Чащи от Мокеевки топтать полдня – никак не меньше. Подходы к Мокеевке и полигону охраняют Безмолвные Стражи, они засекут движение в любую сторону. Пока сигналов не поступало.

Единственный, кто способен пройти мимо них незаметно – это Вий с его Зелёными Глазами, но он ослаблен последними событиями. Даже если он здесь, будет стараться избегать богатырей всеми силами. Угрожать воину уровня Костяя в этой части леса просто некому.

Стоян насторожился и сбавил шаг. Правый любимец что-то засек. Отправив разведчиков в разные стороны, сам направился к находке.

– Здорово, Костяй. Ты чего тут?

Пожилой богатырь сидел, привалившись спиной к дереву, и глядел в небо. Лицо бледное, зубы скрипят от усилий, хотя тело кажется неподвижным.

– Да... Здоровье... мне бы... не помешало, – проговорил он отрывисто, слова шли с трудом, доставляя ему видимое страдание.

– Что случилось? Кто на тебя напал?!

Стоян хмурился. Не было печали. Кто мог сотворить такое?..

– Через Мокеевку прошёл странный человек... В сторону леса... Я преследовал и нарвался на одержимого зверя. Хотел отпугнуть его, но кто-то напал сзади...

– Странный человек обхитрил тебя? – нахмурился Стоян. Ему всегда неприятно было, когда кто-то из богатырей в чем-то плошал. Казалось, что это роняет честь всех богатырей в целом.

– Нет... Там див с порхающими мечами... Гордился этим умением... Хвастливый... А мне заперли токи... земной тяги... Очень грамотно заперли... Полдня отойти не могу...

Стояну вдруг вспомнились глаза над темным платом. Болт? Да, воронёный богатырь урядника способен на подобные вещи. Более того, чтобы остановить Костяя, ничего лучше не придумать. Вопрос в том, зачем Болту понадобилось останавливать Костяя?

– Что ты задумал, Фрол... – проговорил Стоян. – Да нет! Это просто невозможно – мы все на одной стороне.

В голову пришёл сигнал от одного из любимцев. Стоян шагнул вперёд и раздвинул кусты. Огромные следы поворачивали вбок и уходили в лес.

– Здесь был одержимый бер. Как он сумел миновать Стражей?! – проговорил он, касаясь ладонью одного из следов.

– Мне тоже... было интересно, – пропыхтел Костяй. – А ещё... отчего он... не тронул меня...

Стоян спохватился и присел рядом. Его рука легла на запястье раненого богатыря, вторая коснулась лба. Наставник прикрыл глаза, наблюдая за хаотичными вихрящимися токами земной тяги в теле Костяя. Потом наметил место и направил туда свой поток. Тот наткнулся на преграду и отскочил. Стоян повторил. Ещё и ещё.

На висках выступил пот, резко почувствовал себя уставшим, словно провёл длительную тренировку с земной тягой. Зато потоки Костяя приобрели стройность, вихри рассосались, каналы восстановились.

– Уф... – Стоян тяжело сел рядом.

– Спасибо, – кровь прилила к щекам Костяя, он вздохнул с облегчением. – Мне повезло, что ты калика.

Какое-то время оба приходили в себя. Потом деревенский богатырь сказал:

– Этот медведь странно себя ведёт. Он хотел поживиться мной – я чувствовал его голод и ничего не мог предпринять, но его глаза вдруг остекленели, и он резко поменял направление движения.

– Любопытно, – Стоян прислушался к сигналам, которые передавал ушедший в том направлении любимец. – Там растёт папоротник. Демоны терпеть не могут его запах. Я встречал богатырей, которые в Запредельном лесу спасаются этим. Демон никогда бы не полез туда... добровольно.

– Ты считаешь, что им кто-то управляет? – Костяй нахмурил лоб, вспоминая. – Да. Теперь ты сказал, и мне кажется, что так и есть. Глаза у него были какие-то стеклянные. И повернул он будто нехотя...

– Этого нам только не хватало перед испытаниями, – молвил Стоян.

– Но ведь это невозможно, – сказал Костяй. – Даже перводемон не мог управлять низшими демонами в одержимых зверях. Из полуночников один только Лютик способен отгонять их своей дьявольской музыкой, но даже он не умеет ими управлять...

– Невозможно, говоришь? – Стоян горько улыбнулся. – «Невозможное – возможно» – так говорил прародитель Святогор. Кто знает, может, у этих слов есть и недобрый смысл.

– Мол, от тьмы всегда жди новой пакости? Да уж. И правда – не ко времени. – Какое-то время они молчали, восстанавливая силы. Костяй морщил лоб все сильнее. – Знаешь, если задуматься, это не было прямым управлением. У меня возникло ощущение, что он исполняет заложенную в голову последовательность команд. И мне повезло, что именно в этом месте ему велено было сделать резкий поворот. Демон был недоволен этим и пытался остановить бера, но... у него не хватило сил. Это меня и спасло.

Стоян поглядел на поляну с папоротниками глазами любимца. Огромные лапы вырывали дерн и растения с корнем.

– Как бы не забрёл в деревню... – Калика ещё раз поглядел в ту сторону, куда ушёл бер. – Надо возвращаться. К вечеру должны успеть... Идти сможешь?

– Теперь смогу, – Костяй поднялся и пошевелил руками, притопнул ногами. – Ты – славный лекарь...

Два богатыря исчезли в лесу, поляна с огромными следами погрузилась в тишину.

Своих встретил на полпути к деревне.

– Любимка! – пискнула Настенька и кинулась к нему ощупывать – не повреждён ли.

Сойка глядела на него, широко распахнув глаза. Изумление в них мешалось с облегчением. Наум тихо приблизился и молвил:

– Не догнал, знать?

– Догнал, – прервал его Любимка. Он вспомнил о моргулах и поморщился. – Некогда обсуждать – нужно отправляться в погоню. Настька, идём со мной. Надобно след отыскать, а ты у нас первый мастер в этом... – Девушка молча кивнула. – ...Наум, ты возвращайся в лагерь...

– Возвращаться в лагерь? – пролепетал толстяк. – А разве ты не собираешься?... – Любимка мотнул головой, нетерпеливо притопывая. – ...А как же испытание? Твоя мечта...

– Мечи-калачи, Наум?! Как ты не понимаешь?! Моего друга похитил одержимник. Он собирается сотворить с ним что-то страшное. Я не могу его бросить!

Все это время Сойка стояла в сторонке и наблюдала. Синеволосая девушка была необычайно тиха.

– Нужно все рассказать наставнику, – крикнул Наум. – Другим богатырям. Одержимник – это не бер. Он воевал ещё в Последней войне против Легендарной сильномогучей троицы. Воевал и выжил. Он скрывался четырнадцать лет. Его не могли отыскать ни богатыри, ни писари Харитона. И с ним ты собираешься сражаться?! Мы же ещё маленькие! Что мы можем сами?!

Любимка печально глядел на него и ничего не отвечал. Это больше всего напугало Наума.

– Сойка! Скажи хоть ты ему!

– Сойка? – Любимка внимательно поглядел на девушку. – Ты как? Там, в деревне, ты странно себя вела...

– Что мы можем сами? – проговорила Сойка, не слушая его. – Что мы можем? Сами!

Она задрожала и всхлипнула.

– Ёшки-матрёшки! Сойка, да что с тобой такое? – воскликнул Любимка. Наум глядел испуганными глазами.

– Я знаю этого Лютика, – Сойка замолкла, словно ей было трудно говорить. – Он скрывался от богатырей в нашей деревне. С самого рождения я была у него в рабстве. Он творил с нами, что хотел... – Любимка и Наум переглянулись. Настенька подкралась сзади и обняла синеволосую девушку. – А ещё он убил Севу, – проговорила она тихо, потом заторопилась, рассыпая слова. – Это Сева вдохновил меня на побег. Он сделал меня смелой. Мы сбежали, но он нас догнал. А потом он заиграл... Заиграл... ту же мелодию, которая тебя... в деревне...

Любимка содрогнулся. Он понимал, о какой мелодии она говорит: когда сердце выпрыгивает из груди, а ток крови разрывает сосуды в клочья. Если бы не земная тяга вкупе с темной волной – не выжил бы.

– ...Сева тоже говорил – надобно проверить, что мы можем сами... А Лютик убил его! А надо мной издевался и вернул!

– Прости, Сойка, – сказал Любим. – Прутик – не твой друг. Ты не должна идти со мной...

Лицо девушки сделалось строгим, словно кто-то умер. Она протянула руку Любиму.

– Нет! Я пойду с тобой. Ты научил меня, что не надо бояться Лютика. Всю жизнь я боялась, все вокруг меня боялись. Но пришёл ты и показал, что он – обычный дударь. Ты едва не сломал ему дудочку...

– Я сломал, – ухмыльнулся Любим. – В лесу... – Сойка неверяще распахнула глаза. – Но он все равно от меня ускользнул, – с горечью закончил отрок.

– Я пойду с тобой, – твёрдо повторила она.

В лесу повисла тишина. Сойка тяжело дышала, Наум напугано блестел глазами, Настенька сдавленно всхлипнула.

– Сойка! – Любимка хлопнул её по плечу и сжал. Девушка ответила твёрдым взглядом. Она почти не дрожала. – Мы должны победить наши страхи. Только тогда мы станем теми, кем мечтаем быть. Выдвигаемся немедленно.

– Только поведу вас я, – раздался под сводами леса зычный голос.

– Дядька Стоян!

– Наставник!

– Я давно уже наблюдаю за вами с помощью любимцев и не знаю радоваться или огорчаться.

Из лесу вышел бледный грузный богатырь и Стоян. Пока наставник говорил, деревенский богатырь привалился к ближайшему стволу и шумно перевёл дух.

– Ух! Стоян. Не задерживаю тебя боле. До деревни как-нибудь... Доберусь...

– Тебе бы земную тягу ещё раз прокачать, – озабоченно повернулся к нему наставник.

– Сам справлюсь. Главное – ты мне токи восстановил...

– Добро.

Стоян оглядел тягателей. Выглядели они не очень: все в пыли, волосы растрёпаны, у Сойки среди синих прядок солома, Настенька без огромного мешка смотрится как другой человек, Наум будто похудел и утратил детскую рыхлость – все такие серьёзные и твёрдые. Что Любимка с ними сделал?

– Мечи-калачи! Чево стоим-то?! – Любимка приплясывал от нетерпения. – Уходят же они!

– За мной. Не отставать.

Шух! Стоян исчез, по лесу удалялось шуршание и хруст. Тягатели кинулись следом.

Долгое время выпало из головы. Была череда смутных образов: дорога, лес, домики, снова дорога. И голод. Страшный всепоглощающий голод, который затопил собой мозг и не оставил ни одной свободной мысли. Голод гнал его на восток. Позади все время чувствовался кто-то суровый и сердитый, и Иваш сам не знал, хочет от него скрыться или, наоборот, желает, чтобы этот кто-то всегда был рядом. Потом были очередные домики и злые существа. Иваш чуял их страх, но это не мешало им окружить его и тыкать острыми палками.

– Зачем?! Пустите меня! Мне надо бежать! – пытался сказать им Иваш, но изо рта вылетали лишь рычание и хрипы.

А потом кто-то догнал его. Вжих-вжих-вжиж! Этот звук наполнил сердце трепетом. Тайный спутник разогнал существ, и Иваш облегчённо понёсся на восток.

Вокруг замелькали деревья с толстыми стволами, потом был глубокий провал. Вниз почти отвесно уходила стена, а на дне плескался мрак. Иваш заскулил, принялся бегать туда-сюда, тревожно оглядываясь назад.

Хозяин, где ты?! Как мне быть?

И хозяин появился.

– Кыш! Туда! Кыш! – сказал он, и Ивашу сразу все стало ясно. Теперь они бежали вдоль оврага на юго-восток.

Овраг длился недолго. Сияющий шар на небе вскарабкался на самый верх, а потом скатился обратно. Дно провала постепенно сошло на нет.

Здесь хозяин его догнал и начал кричать:

– Стой! Перестань бежать! Остановись!

Иваш заметался, недоумевая. Что делать? Я – хороший мальчик. Я бегу на восток! Почему он сердит? Хозяин не церемонился с ним: пару раз ударил прямо по морде, дёрнул за ухо и повалил на землю.

– Хозяин! Мне нужно бежать! На восток! – кричал Иваш, но из пасти раздавался лишь рёв.

Потом тайный спутник прижал его к земле. В руке у него появился тёмный камень на верёвочке. Камень стал приближаться, и Иваша обуял ужас. Он страшно забился, пытаясь вывернуть голову, но хозяин хоть и был маленьким, держал очень крепко.

– Изыди! – приказал он. – Ты нам больше не нужен!

Иваш забился. За что? Почему?! Я – хороший мальчик! Не надо!

Камень был все ближе, а потом он коснулся лба. Раскалённый прут пронзил голову и начал ворочаться. Все тело пронзили токи боли, хотелось биться и орать, но тело парализовало. Он мог только мелко подрагивать и хрипеть.

А потом прут исчез, давление пропало – Иваш был свободен. Он лежал на земле, в бок упиралось что-то твёрдое, трава щекотала шею. Вверх уходил тоннель зелёной листвы, в самом конце виднелся кружок синевы и ослепительные белые облака...

Кто... я?

Мелькание леса. Бесконечный бег и прыжки. Скорость.

Я... хороший... мальчик?..

Кольчуга, добротные порты, сафьяновые сапоги. На поясе – кинжал в нарядных ножнах, в руке – меч. Вжих! Вжих! Распарывает воздух.

Я... богатырь?!

Грудь переполнила гордость и ликование и... тут же ушла. Ярость! Удары! Ярая мощь по жилам. И лицо. Юное, светловолосое, страшное! Оскаленное! Злобное!

– Демон! Изыди!

Р-р-рау!

Я... теперь... никто?!

Он резко сел. Вокруг тихо шелестела листва, пели птахи. Страшные мысли подёрнулись дымкой. Дурной сон? Это – дурной сон.

– Пришёл в себя? – холодный голос. – Нам нельзя расслаживаться...

Иваш вскочил. Перед ним сидел на пенёчке крохотный человечек с двумя мечами за спиной.

– Шу... Шустр?! – воскликнул Иваш и разом все вспомнил.

– Добро. Пришёл в себя.

– Где мы? – Иваш по-другому поглядел по сторонам. – Это...

– Запредельный лес. Чаща Хруста.

– Чт... что?! – глаза Иваша расширились. – Но ведь...

– Да, это слишком опасное место, чтобы можно было пустить тебя сюда в шкуре крола.

Поэтому дальше пойдёшь ножками...

– Но я не смогу! Я больше не богатырь и...

– Надо смочь! – жёстко отрезал Шустр. – Но не бойся, мы пойдём не одни.

В этот момент раздалось шуршание и шум. Иваш обернулся, обшаривая распахнутыми глазами лес. К ним шли стройная женщина с темными слегка вьющимися волосами и улыбающийся парень.

– Ксана, я вижу, ты справилась, – махнул им Шустр.

Женщина скорчила гримасу:

– А ты сомневался? Вижу, и ты не зря ходил?

Оба поглядели на Иваша.

– Ксана? – недоверчиво проговорил тот. – Где ты была все эти годы?..

Все в Москве знали Ксанку – девицу с танцующими кинжалами. Она явилась в школу богатырей в одно время со Стояном и Олегом. И до того была хороша собой, что меж молодыми парнями вспыхнуло ещё более сильное соперничество. Иваш хорошо помнил, как сам стал частью того противостояния. Стоян во всем хоть чуточку, да превосходил Олега. Но однажды Олег показал умение зреть земную тягу – это уникальный талант калика.

«Самый молодой калика! – шептались в княжестве. – Он – настоящий талант!»

Но недолго длилось счастье новоиспечённого калики. Стоян тоже продемонстрировал это умение. Там, где остальные калики дали маху, отыскал очень перспективного тягателя. Тем самым тягателем был как раз Иваш. Как же он был рад тогда. Просто счастлив! Как благодарил Стояна...

– Не твоё дело, – женщина нахмурилась и обратилась к Шусту: – Он много говорит, может быть, того...

Она прикоснулась к одному из своих двенадцати кинжалов.

– Ксанка, не будь такой кровожадной. Иваш – друг. Его нельзя обижать.

Шустр громко хлопнул бывшего богатыря по плечу и притянул к себе. Тот скривился, но стерпел. Ксана фыркнула и отвернулась к своему спутнику, который скромно переминался с ноги на ногу.

– Это – Грох, брат Свистуна. Он тоже обыкновенный человек.

Говоря последние слова, она быстро глянула на Иваша и улыбнулась.

– Чего лыбишься, – взвизгнул тот, – дай мне только вернуть моего демона! Я покажу...

Все покажу!

Он грозно скалился в пространство, потрясая кулаком.

– Вернуть демона?..

Ксана вопросительно поглядела на Шустра.

– Да, – с улыбкой ответил тот. – Должны же мы отблагодарить нашего спасителя.

– Спасителя? – Иваш покосился на Шустра и сказал обиженным тоном: – Если я – спаситель, тогда почему со мной так обращаются? Подселил демона из зверя, заставил потерять разум... – он передёрнул плечами.

– Подселил звериного демона? – Ксана хихикнула. – Бе-едный. А я думаю, чего мальчик не в духе...

– Не называй меня мальчиком! Я младше тебя всего на два года!

– По-другому мы не ушли бы от погони, – пожал плечами Шустр. – В любом случае, надо думать не о том, что было, а о том, как мы пойдём через Лес Хруста.

– Ага. Знаменитая Чаща Хруста, – проговорила Ксана, глядя на лес впереди. – Она и правда такая опасная, как про неё сказывают?

– Да, – сказал Шустр и встал рядом, – думаю, что наших природных сил едва хватит, чтобы остаться живыми и относительно невредимыми.

– Нам остаться? – Ксанка выделила голосом слово «нам». – А как же эти? Твой ладно, сам – ха-ха! – лапками перебирал, а с этим я намаялась – совсем не приспособлен к жизни вне города. И у него такое дурацкое чувство юмора...

Она поглядела на своего спутника. Тот продолжал улыбаться и молчать. Иваш заволновался:

– Эй, о чем это вы? Ведь я вам нужен! Вы защитите меня!

– Я надеюсь на Лютика, – сказал Шустр, – он обещал, что проведёт нас...

– Чем нам поможет одержимник? – женщина надула губки и наморщила лоб. – Я слышала, лесные демоны не подчинялись даже перводемону Мраку, не говоря уж о семёрке Полуночи. А Лютик – самый слабый из них...

– Кого ты назвала самым слабым? – раздался громкий юношеский голос. Все повернулись – из лесу вышел одержимник, держа на плече неподвижное тело. – Перводемон Мрак специально подбирал нас так, чтобы мы имели разные таланты, но по силам были равны.

Он стряхнул с себя тело, мальчик упал, широко раскинув руки.

– Все мы лучшие в своём деле.

– Мальчишка? – Ксана присела над парнем и скорчила недовольную физиономию. – Ты мог выбрать любого, почему взял такого малыша?

– Недосуг было возиться. А этот вроде живчик. И не трус, орал на меня в то время как вся деревня втянула языки.

– Эй, он не помер случаем? – подскочил к мальчику Иваш. Похоже, судьба мальчика напомнила ему, что за люди его окружают.

– Нет, дышит, – отмахнулся Лютик и поглядел на Ксанку. – А выбор неплох, на самом деле – парень настолько силен, что сопротивлялся до тех пор, пока я не наложил на него Звучащие Оковы.

Пока говорил, достал дудочку и бережно покрутил её, словно знакомясь.

– У тебя новая дудка, – подошёл Шустр. – Куда дел старую?

На миг лицо Лютика оскалилось – мелькнул и пропал демон.

– Я встретил тягателей. Они защищали родную деревню этого паренька от одержимого бера. Один из них оказался очень... надоедливым.

– С тобой справился тягатель?! – Ксана в восторге распахнула глаза. – И после этого ты говоришь, что лучший в своём деле?!

Лютик резко повернулся к ней:

– Он – бестолковый деревенщина! Обманул меня. Я думал, он разбирается в искусстве, а на деле не смог загореться от лучшей моей песни.

– А это не тот ли парень, которого взял калика Олег? – весело спросила Ксана. – Ивашик, ты должен его знать.

Женщина хихикнула, бывший богатырь вскочил и сжал кулаки:

– Неужели этот... – Иваш задрожал и сжал кулаки. – Любим! Ух, попадись он мне в руки!

– Его зовут так смешно? – посмотрел на него Лютик. Ксана сдавленно хихикнула, всем своим видом показывая – кто бы говорил. – Впрочем, неважно. Нам следует поспешить.

Он вопросительно поглядел на Шустра.

– Совершенно верно. Мы должны как можно скорее попасть к колодцу Утраченных Душ. Пока проходят испытания тягателей, за нами не пошлют крупный отряд богатырей.

Он повернулся к Лютику.

– Мы ждём, что ты защитишь будущих носителей. Твоя новая дудочка способна на это?

Одержимник вскинул подбородок:

– Обидеть меня хочешь? Инструмент – не главное, главное – творец! Ещё ни один зверь, в том числе одержимый, не сумел преодолеть моих мелодий.

Пока они разговаривали, Иваш глядел то на одного, то на другого.

– Почему вы так спокойно говорите об этом Любиме? – спросил он. – Неужели не знаете?

– Не знаем что? – теперь все трое глядели на него. Иваш расплылся в самодовольной улыбке.

– Ясно. А может, мне придержать пока эти сведения...

По тому, как поменялись их лица, сразу понял, что это плохая идея. Лютик поднёс к губам дудочку, Ксана цапнула пару подвернувшихся под руки рукоятей кинжалов, Шустр цепко ухватил парня за плечо и притянул к себе.

Даже будучи богатырём – не факт, что Иваш сумел бы так просто устоять на месте. Сейчас же об этом не было и речи.

– Оставьте оружие, – мягко проговорил Шустр, – Иваш просто пошутил. Сейчас он нам все расскажет. – Ворот его рубашки распахнулся, и, как бы невзначай, наружу выпал медальон в виде уродливой четырёхпалой лапы, держащей тёмный камень.

– Да. Я скажу... – торопливо кивнул Иваш. Сам не понимал отчего, но этот камень пугал его куда больше дудочки одержимника и острых кинжалов дивы.

– Любим – тот человек, в которого вселилась сила перводемона. Вий пытался отнять её, но у него ничего не вышло. Каким-то образом парню удалось победить...

– Да, я слышал об этом, – задумчиво проговорил Шустр, отпуская Иваша. – Значит, это один из нынешних тягателей? Не ожидал, что они позволят ему пройти испытание. Хозяин думал, что они спрячут его...

Он задумался.

– Аха-ха-ха! – развеселился Лютик. – Так это же здорово! Этот ваш Любим – дурной и крикливый, но слово «дружба» для него не пустой звук. А другом он считает моего пленника... – Он кивнул на Прутика, лежащего без сознания, и многозначительно улыбнулся. – Он обязательно явится за ним. И тогда мы заберём этого Любимку. Заберём и выпотрошим, – взгляд Лютика сделался жестоким. – Будет великолепно, если явившись, хозяин узрит меня среди тех, кто его вернул. Кто знает, может, иерархия отряда Полуночи поменяется, и командиром стану я...

– Богатыри его не отпустят, – сказал Шустр. – Дивно, что его вообще допустили к испытанию.

– Я имел с ним дело, – ухмыльнулся Лютик и поднёс дудочку к губам. – Такого нельзя не отпустить. К тому же я проклял его моргулами...

– Что?!..

– А если они его сожрут?!

– Тогда волна поменяет носителя, и взять её станет ещё легче, – улыбнулся Лютик и поднёс дудочку к губам.

– Да, но лучше носителя не убивать сразу, а извлечь тленный дух постепенно. Тогда можно будет поместить его в какой-нибудь артефакт, – проговорил Шустр задумчиво.

При слове «артефакт» глаза Лютика алчно сверкнули. Поймав подозрительный взгляд Ксаны, он ухмыльнулся и вскричал:

– Хватит болтовни. Нас ждёт Чаща Хруста!

Он заиграл бравурный марш. Шустр, Ксана, Грох и Иваш начали пританцовывать и притопывать. Маленький див со вздохом подхватил мальчика.

– Вперёд! Шагом! Марш! – воскликнул юноша и первым переступил черту. Остальные следовали за ним, как привязанные.

Густые ветви сомкнулись в том месте, куда они ушли. Мелодия стихла вдаль. Только после этого деревья шевельнулись и крякнули, словно живые. От одного из них оторвался листик, который поймал потоки ветра и порхнул вверх, к самым верхушкам елей.

Восточка стража деревьев понеслась к богатырской заставе в Мокеевке. Другие деревья ждали беглецов по ту сторону чаши.

– Стоп! – сказал Стоян и резко затормозил. Тягатели догнали его и тоже остановились.

– Мечи-калачи! Что ещё? Надобно спешить, а мы... – Любимка приплясывал от нетерпения, напоминая Листка.

– Опоздали, – с досадой проговорил наставник.

– Откуда вы знаете? – опередила Сойка Любима.

– Безмолвные Стражи, – сказал Стоян. Он сунул руку в суму и достал пергамент. – Вот. Смотрите. – Тягатели придвинулись. Наставник встал у дерева и расправил свиток. Он оказался картой. – Мы здесь... – Стоян показал пальцем точку немного восточнее Мокеевки. Наум кивнул, Настенька что-то едва слышно пискнула, а Сойка пожала плечами – мол, вам видней. – Мы с Костяем пришли вот отсюда. Ходим мы чутко, во время движения охватываем широкое пространство. Я всегда выпускаю четырёх любимцев, чтобы разведать территорию, поэтому могу точно сказать, что по этому направлению одержимника мы не встретили.

– Значит, он обогнул вас здесь или здесь, – тут же нашёлся Наум.

Настенька поглядела на карту, потом на Стояна и кивнула. Один Любим стоял и ничего не понимал.

– А вы молодцы, умеете по карте понять местность, – похвалил их наставник. – Скорее всего, так и было. Лютик с Прутиком забрал южнее, чтобы избежать ненужных встреч и прийти к месту встречи. Вот сюда.

Он ткнул пальцем в тёмную полоску, которая огибала достаточно крупный участок леса.

- С чего вы взяли, что он должен с кем-то встретиться? – подозрительно спросил Любим.
- Я это видел собственными глазами, – сказал Стоян.

Любимка затаил дыхание – давно мечтал вот так на равных говорить с богатырями земли русской, получать из первых рук важные сведения, а потом, основываясь на них, принимать решения.

– Лютик – не единственный, кто стремится в запредельный лес и ведёт с собой обыкновенного человека. Есть ещё люди. И все они встретились здесь – у входа в так называемый Лес Хруста. Это густые, почти непроходимые леса, заселённые одержимыми зверями. Фактически, это уже кусок Тайги. Границы этого опасного участка очень хорошо охраняются. Вот здесь стоят Безмолвные Стражи. Они как разведывательные любимцы, но неподвижные. Зато их невозможно засечь.

- Ёшки-матрёшки! Этот лес напичкан сюрпризами!

– Да. Мы старались сделать его пригодным для жизни. Так вот, я видел глазами этих Стражей, что и твой Лютик с пленником, и Костяевский див с известным нам Ивашом и... ещё кое-кто – все они встретились у Чащи Хруста, а потом перешли её границу.

– Мечи-калачи! – Любимка так и подскочил. – Нам нужно скорей бежать в погоню! Прутик может там пропасть, и потом этот Лют...

- Нет. Нам за ними не успеть. В Чашу Хруста соваться нет смысла.

- Как же так?! Неужели мы бросим Прутика?!

Любимка сжал кулаки.

– Нет! Мы своих не бросаем. – Стоян был серьёзен и собран. Мрачное выражение лица не сулило врагам ничего хорошего. – Если станем преследовать в Чаше Хруста, никогда их не догоним. Там очень опасно. Без волшебной дудочки Лютика нам не отогнать зверье. Вы уже сталкивались с одержимым зверем, как думаете – справитесь сами?

Тягатели переглянулись.

- Но ведь Прутик... – начал Любим.

– Прутик нужен им, а значит, они позаботятся о нем. Чтобы догнать их у нас есть только один путь... – Палец его переместился на путь, соединяющий Мокеевку и странную избушку посреди леса. – Беглецы находятся в Чаше Хруста, – он ещё раз показал тёмную границу леса. – Безмолвные Стражи стоят не только здесь, но и здесь, и здесь. На всех выходах. Словом, как только они покинут это место – мы будем знать...

Любимка прикусил губу и задумался.

– ...Если пойдём следом, завяжем и потеряем время. Они либо устроят нам засаду, либо – что более вероятно – попытаются направить по ложному следу в самую гущу опасностей Чащи Хруста. Если же вернёмся к тягателям и двинемся с ними – обгоним беглецов. Нам останется только дожидаться сигнала от Стражей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.